

Нормы непосредственного применения иностранного государства (постановка проблемы)

Блинова Юлия Викторовна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры гражданского права,
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет». Россия, г. Барнаул.

E-mail: jblinova@yandex.ru

ORCID: 0000-0001-9565-6464

Аннотация. В статье рассмотрены проблемы применения норм непосредственного применения (сверхимперативные нормы) иностранного государства. В то время как нормы непосредственного применения государства суда по общему правилу обязательны к применению, применение таковых норм носит диспозитивный характер. Однако игнорирование норм непосредственного применения иностранного государства может приводить к невозможности исполнения договора, привлечению сторон договора и лиц, обслуживающих договор, к ответственности национальным регулятором при наличии экономических ограничений или запретов. В современном международном частном праве различных государств как нормы непосредственного применения иностранного государства квалифицируются экономические санкции.

Ключевые слова: нормы непосредственного применения, сверхимперативные нормы, иностранное государство, иностранное право.

На сегодняшний день в мире найдется не так уж много государств, чье национальное законодательство не допускало бы возможность применения иностранного права к частноправовым отношениям с участием иностранного элемента, что свидетельствует о развитии общественных отношений и их правового регулирования, а с точки зрения международного частного права – об отказе государств от концепции абсолютного иммунитета, об усилении *comitas gentium* и презумпции взаимности. При ясном понимании тезиса: сохранение правосубъектности государства по смыслу международного и внутреннего права предполагает и сохранение его ключевых атрибутов, в качестве которых в теории права традиционно называются суверенитет и иммунитет, следовательно, полного отказа от иммунитета не предвидится, – возникает все же ряд вопросов.

Данные вопросы можно артикулировать следующим образом. В каком объеме на территории государства применимы иностранные нормы? Какие иностранные нормы применимы на территории государства – только частноправовые или же публичноправовые тоже? При этом ответ на данный вопрос осложняется тем обстоятельством, что в разных государствах, как известно, деление права на отрасли и группировка институтов права по отраслям могут не совпадать. Далее, каким иностранным нормам будет отдан приоритет, если конкуренция возникает исключительно между нормами двух иностранных государств? Поставленные вопросы наглядно демонстрируют одну из открытых проблем международного частного права – нормы непосредственного применения (доктринальный термин в России – сверхимперативные нормы) иностранного государства.

Так уж получилось, что международное частное право в Российской Федерации не избаловано вниманием ни со стороны законодателя, ни со стороны правоприменителя. Сложный характер взаимоотношений и непростой статус международного частного права в правовой системе России подчеркивали многие

ученые: в частности, юрист-международник Ф. Ф. Мартенс еще в прошлом веке применительно к науке писал, что международное право с трудом пускает корни в русскую почву [1, с. 2]. Данный факт отчасти проливает свет на отсутствие правового регулирования норм непосредственного применения в советском и раннем российском законодательстве, регулирующем частнопровые отношения, осложненные иностранным элементом; формально эти нормы появились лишь в части 3 раздела VI ГК РФ в 2001 году.

Говоря о внимании правоприменителя к международному частному праву, приходится констатировать, что в России в период действия современного российского права (после 1993 г.) высшие судебные органы издали лишь несколько аналитических документов, посвященных обзорам судебной практики с участием иностранных лиц: информационные письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 25 декабря 1996 г. № 10 «Обзор практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц», от 16 февраля 1998 г. № 29 «Обзор судебно-арбитражной практики разрешения споров по делам с участием иностранных лиц», от 26 февраля 2013 г. № 156 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о применении оговорки о публичном порядке как основании отказа в признании и приведении в исполнение иностранных судебных и арбитражных решений», от 9 июля 2013 г. № 158 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц (вместе с «Обзором судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами дел с участием иностранных лиц»)».

И тем более значимым событием представляется выход в свет Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации». Однако радость от события сменяется грустью, поскольку в части норм непосредственного применения правоприменитель в большей степени цитирует действующее законодательство, время от времени повторяя сказанное ранее в информационных письмах (см. п. 16 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 26 февраля 2013 г. № 156). Но если в отношении российских норм непосредственного применения хотя бы наметилась слабая систематизация, и суды, исследователи, иные заинтересованные лица получили некий ориентир, то применительно к нормам непосредственного регулирования иностранных государств (п. 2 ст. 1192 ГК РФ) никакого сдвига с мертвой точки не произошло, что обуславливает повышенное внимание к доктрине.

Согласно пункту 2 статьи 1192 ГК РФ российский суд не обязан применять нормы непосредственного применения иностранного государства, но может это сделать. При этом, не зная иностранного права, российский суд обязан, если такое применение последует, осуществить толкование иностранного права и вычленение из него норм непосредственного применения согласно иностранному праву. Данная ситуация еще более осложняет работу российского суда. Вместе с тем, даже несмотря на указанную диспозитивность применения норм непосредственного применения иностранного государства, в некоторых случаях их неприменение будет влечь невозможность исполнения судебного решения, что, разумеется, не является нормальным последствием для сторон.

Характеризуя в диссертационном исследовании российские нормы непосредственного применения, О. Ф. Засемкова выделяет 6 признаков данных норм:

- 1) материально-правовой характер;
- 2) особая императивность;
- 3) безусловный характер действия;
- 4) нацеленность на защиту наиболее значимых интересов государства или отдельных категорий лиц;
- 5) особое значение для защиты указанных интересов;
- 6) необходимость [2, с. 54].

По мнению автора, эти же признаки приложимы к иностранным свехимперативным нормам, а их значимость и значение в контексте иностранного

правопорядка устанавливаются по требованиям, сформулированным в пункте 1 статьи 1191 ГК РФ.

В. Л. Толстых и Л. Г. Рот отмечают, что нормы непосредственного применения «представляют собой нормы, действие которых не устраняется применением коллизионных привязок» [3, с. 97]. В юридической литературе подчеркивается тесная связь сверхимперативных норм с публичным порядком государства, направленность на охрану основ общества, в т. ч. иногда встречается мнение о том, что императивная оговорка представляет собой позитивный вариант оговорки о публичном порядке [4]. При этом применение сверхимперативных норм третьего государства не является автоматическим, но предполагает известную степень судебной дискреции, что связано с установлением относительных преимуществ и недостатков такого применения на основе принципа пропорциональности как баланса между интересами иностранного государства, с одной стороны, и интересами государства суда и сторон – с другой [3, с. 101].

Зарубежные исследователи предлагают два подхода к изучению норм непосредственного применения – коллизионно-правовой и материально-правовой. Концептуальную основу первого подхода составляют теория единой привязки (Р. Хейц, А. Гейни и др.), теория специальной привязки (В. Венглер) и смешанная теория (Р. К. Радтке). Демаркационной линией названных теорий выступает вопрос о включении или невключении в состав иностранного права, к которому отсылает коллизионная норма, публичных норм соответствующего государства [5, с. 39, 41, 43].

Сторонники второго подхода усматривают в нормах непосредственного применения материально-правовую природу; считается, что этот подход был особенно популярным, когда применение иностранных публичных норм в международном частном праве учеными не признавалось. Именно с позиции второго подхода Г. Кюне заявляет о материализации международного частного права как его актуальной тенденции [цит. по: 5, с. 38]. Второй подход обосновывается теорией факта и теорией силы. Следует оговориться, что в современном международном частном праве зарубежных государств как нормы непосредственного применения иностранного государства квалифицируются экономические санкции. В рамках теории силы в отношении экономических санкций третьих государств утверждается: даже если государство суда не разделяет интересы и ценности вводящего экономические санкции государства, нормы непосредственного применения этого государства могут все же быть признаны на том основании, что последнее может обеспечить применение экономических санкций в связи с местонахождением продукции или местожительством сторон [5, с. 51].

Таким образом, становится очевидной настоятельная потребность в более детальном изучении указанной проблемы, особенно с учетом событий, связанных ранее с пандемией, а сегодня – с экономическими санкциями, и необходимостью учета норм иностранного права для регулирования внешнеэкономических сделок в части признания или непризнания соответствующих ограничений обстоятельствами непреодолимой силы.

Список литературы

1. Мартенс, Ф. Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т. 1 / Ф. Ф. Мартенс. – М.: Зерцало, система Гарант, 2008. – 368 с.
2. Засемкова, О. Ф. Сверхимперативные нормы международного частного права: понятие, признаки, практика применения: дисс. ... канд. юрид. наук / О. Ф. Засемкова. – М., 2017. – 250 с.
3. Толстых, В. Л. К вопросу о применении императивных норм международного частного права третьего государства / В. Л. Толстых, Л. Г. Рот // Юридическая наука и практика. – 2016. – Т. 12. – № 2. – С. 97–103.
4. Рожкова, К. О. Ограничения автономии воли сторон в выборе применимого права в экономических отношениях, осложненных иностранным элементом / К. О. Рожкова // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 6 // СПС «Гарант».
5. Szabados, T. Economic Sanctions in EU Private Law / T. Szabados. – Oxford: Hart Publishing, 2019. – 244 p.